

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА: МЕТАМОРФОЗЫ ДИАЛОГА

The different aspects of interrelation between philosophy and science, their modification under the influence of social and cultural factors are considered in the article. A special attention is paid to the argumentation of the conclusion that philosophy should be estimated as an unique means of adaptation of new scientific ideas and principles in the cultures of not just traditional and industrial, but also post-industrial society.

Зеленков Анатолий Изотович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и методологии науки Белгосуниверситета, лауреат премии имени В. И. Пичеты, действительный член Петровской Академии наук и искусств (Санкт-Петербург) и Украинской Академии политических наук.

Автор более 100 научных трудов по проблемам философии, социальной экологии и методологии науки, многие из которых получили высокую оценку в стране и за рубежом.

В 1993 г. решением Международного биографического центра при Кембриджском университете (Англия) удостоен Почетной Награды XX столетия за достижения в области философии и методологии науки.

Непредвзятый взгляд на обозначенную проблему обязывает начать с вопроса, который давно уже стал сакраментальным как для философии, так и для науки. В чем истоки и причины той взаимной притягательности, которую они демонстрируют на протяжении многих веков, почему их диалог неизменно воспроизводится, переходя от фазы драматических конфликтов и отчужденности к периодам гармоничного сосуществования и конструктивного взаимодействия? Безусловно, ответ на этот вопрос не может быть сформулирован в виде универсального алгоритма, поскольку и наука, и философия — феномены исторические, возникающие в определенных социокультурных обстоятельствах и испытывающие на себе влияние этих обстоятельств.

Как известно, философское сознание в его достаточно развитых формах возникло более двух с половиной тысячелетий тому назад, в эпоху перехода от мифа к логосу.

Наука же в ее современном понимании оформляется гораздо позднее и приобретает статус одной из важнейших форм западноевропейской культуры в период XVI—XVII столетий. С момента возникновения она недвусмысленно заявляет о претензии обосновать такую картину мира, в которой нет места субъективно-личностным смыслам и ценностным предпочтениям человека, где доминирует принцип объективно-истинного познания природы, общества и человеческой субъективности.

Возникнув как органичный компонент социокультурной реальности Нового времени, наука предметно воплотила волю к власти человека над природой и социальным миром. Не случайно в этот период Ф. Бэкон формулирует свою знаменитую метафору, уподобляя научное знание силе. «Знание и могущество человека совпадают...»¹

В это время разрушения средневековой картины мира и торжества научной рациональности экспансия научного разума, кажется, не знает пределов. Философия, которая еще вчера была синонимом рациональности и всякого позитивного знания, утрачивает свои преимущества и привлекательность перед лицом бурно прогрессирующего научного знания. Кажется, что ей уже навсегда уготована участь короля Лира, которая, по меткому замечанию В. Виндельбанда, исчерпывающим образом характеризует судьбу философии после великой интеллектуальной революции, давшей миру классическое естествознание.

Однако дальнейший ход событий развеял эти иллюзии и за более чем 300-летнюю историю европейская наука прошла непростой путь социализации, по-разному выстраивая свои отношения с философией.

Большинство современных исследователей выделяют четыре основных этапа социального развития европейской науки. Первый — от XV до XVIII века — романтический или ювенальный период ее развития, которому соответствует время становления рыночной экономики и первоначального накопления капитала. В этот период наука перестает быть частным «любительским» занятием, она становится профессией. Идет десакрализация познавательной деятельности, отстраивается дисциплинарная структура науки. Образование все более очевидно ориентируется на стандарты научного освоения реальности.

Второй — классический период, завершающийся к концу XIX столетия, связан с утверждением капиталистических отношений и интенсивным развитием машинного производства. В это время создаются фундаментальные естественнонаучные теории, наука все более определенно обнаруживает свой социально-экономический статус и привлекается на службу государству.

Следующий, неклассический период, включающий примерно две первых трети XX столетия, характерен тем, что в это время возникает и оформляется так называемая «Большая наука». В эту эпоху происходит целая серия революционных перемен в различных областях знания. В физике создаются релятивистская и квантовая теории, в космологии — концепция нестационарной Вселенной. Становление генетики радикально революционизирует биологическое познание, существенный вклад в формирование современной научной картины мира вносят кибернетика и теория систем. Все это приводит к фронтальному освоению научных идей в социальной практике и индустриальных технологиях.

Наконец, начиная с 60-х годов XX века, наука переходит в четвертую стадию своей исторической эволюции, все более очевидно приобретая черты новой постнеклассической науки. В этот период происходит революция в самом характере научной деятельности, связанная с радикальными изменениями в средствах хранения и получения знаний. Наряду с информационной революцией современную науку качественно характеризуют междисциплинарная ориентация и проблемно ориентированный научный поиск.

Реализация комплексных научных программ типа международной космической программы, проекта «геном человека», программы экологического мониторинга порождает принципиально новые ситуации сращения в единой системе деятельности теоретических и экспериментальных исследований, прикладных и фундаментальных знаний.

Объектами современных междисциплинарных исследований все чаще становятся уникальные природные и социальные комплексы, в которые в качестве неотъемлемого компонента включается сам человек. Примерами таких «человекообразных» систем могут служить экосистемы, включая биосферу в целом, медико-биологические и биотехнологические объекты, системы искусственного и интегрального интеллекта и т. д. Столь впечатляющее и интенсивное вторжение науки в мир человекообразных систем создало принципиально новую ситуацию, которая выдвигает в повестку дня комплекс сложных мировоззренческих вопросов о смысле и ценности самой науки, о перспективах ее прогрессивного развития и взаимодействии с другими формами культуры. В этих условиях вполне правомерно ставить вопрос о реальной цене научных инноваций, о возможных последствиях их внедрения в структуру человеческого общения, материального и духовного производства.

Такой вопрос тем более актуален, поскольку все чаще современной науке вменяют в вину дестабилизацию общества, появление глобальных проблем, с которыми столкнулось человечество на исходе XX столетия.

Осознание сложности и глобального характера этих проблем вызвало к жизни новые подходы и концепции в области философско-мировоззренческого анализа науки. Можно сказать, что кризисные процессы в сфере научной рациональности стимулировали своеобразный ренессанс философского сознания, призванный компенсировать всевозрастающие потери в области смысла и целей происходящих изменений, их человеческого и нравственного измерения.

Реакция философии на интенсивные процессы социализации науки и радикальное изменение ее предметного поля была достаточно бурной и обнаружила себя в весьма широком спектре идей и концепций, посвященных роли научного познания в культуре XX столетия. Среди них значительное место принадлежит пессимистическим концепциям, представляющим науку как угрозу цивилизации и гуманистическим ценностям европейского либерализма. В современной философии нет недостатка в пессимистических суждениях по поводу перспектив развития научного разума и форм его объективации в технологиях материального и духовного производства. Достаточно вспомнить «Закат Европы» О. Шпенглера, «Разочарования в прогрессе» Р. Арона, «Пределы роста» Д. Меддоуза и многие другие работы западных философов и мыслителей.

Очевидную дань идеям антисциентизма и культурного пессимизма отдали М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, З. Фрейд, Н. Бердяев и др. Все они предрекали моральную и культурную деградацию европейского общества, если репрессивная мощь науки не будет нейтрализована в процессе переосмысления целей и ценностей социального развития. Типичным примером откровенного разочарования в социокультурных возможностях современной науки является позиция известного американского культуролога и философа Т. Розака, который поставил перед собой задачу развенчать миф о научном прогрессе как необходимом и достаточном источнике позитивной социальной перспективы. «У человечества никогда не было столько силы, столько знаний, богатства, динамизма, и тем не менее оно катастрофически близится к своему концу, причем этот геноцидный конец... мы сами изображаем в ореоле Прометеевой славы»², — замечает он.

Подобные пессимистические признания все чаще выступают своеобразным рефреном многочисленных философско-футурологических исследований. Однако такая характеристика науки, выраженная в откровенно эсхатологических прогнозах, далеко не исчерпывает всего спектра реакций современного философского сознания на очевидные изменения в отношениях между наукой и культурой, интеллектуальными и нравственными ценностями. Наряду с различными гуманистическими утопиями, связывающими перспективы успешной социализации науки с глубинными изменениями человеческой натуры, в современной философии развиваются и более реалистические концепции, базирующиеся на традициях методологического анализа научного познания в рамках собственно философии науки.

Последняя являет собой весьма специфический раздел философского знания. В ней больше, чем в других ее разделах, доминируют принципы аналитичности, строгого профессионального мышления, глубокой научной обоснованности важнейших постулатов и положений. Успешно работать в этой области можно лишь при условии существования особой интеллектуальной атмосферы, в которой непреложными ценностями являются верность традициям научного разума, творческая продуктивность и самокритичность мысли, ясность и обоснованность выдвигаемых гипотез и концепций.

В достаточно систематической форме философия науки впервые развивается в рамках позитивистской традиции, а в первой половине XX столетия — под очевидным влиянием неопозитивистской программы анализа научно-познавательной деятельности.

В трудах представителей Венского кружка, американских исследователей Э. Нагеля и Г. Маргенау, Л. Витгенштейна и Б. Рассела была разработана так называемая «стандартная концепция» научного познания, основной целью которой провозглашалась задача логической реконструкции языка науки как чистой статичной сущности. Одна из важнейших характеристик этой концепции — утверждение о принципиальной демаркации науки и метафизики, иными словами — очищение реального научного знания от всяких философских и социокультурных компонентов. Тезис о том, что наука сама себе философия, приобретал характер программной декларации.

Однако реальный научный прогресс и активная социализация науки показали несостоятельность подобных позитивистских амбиций. В 50 — 60-е гг. XX столетия в работах К. Поппера, У. Куайна, Т. Куна, И. Лакатоса начинается активная критика неопозитивистской доктрины научного знания и обосновывается ее бесперспективность как программы исследования актуальных проблем научного познания.

Философия науки переходит в новую, постпозитивистскую, фазу развития. В 60—90-е гг. в зарубежной и отечественной философской литературе было выработано несколько более или менее целостных концепций структуры и динамики науки. Одной из самых известных и популярных среди них является постпозитивистская модель, разработанная в рамках так называемой генетической школы в философии науки. Это достаточно широкое течение современной западной философско-методологической мысли, объединившее под своей эгидой таких весьма различных представителей, как К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, Ст. Тулмин, П. Фейерабенд и многие другие.

Не менее известны структуралистская концепция научного познания (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Деррида), герменевтическая интерпретация языка науки и форм его опосредования в культуре (Г. Гадамер, П. Рикер, К.-О. Аппель).

Хотелось бы особо отметить и то обстоятельство, что немаловажный вклад в развитие современной философии науки внесли и отечественные философы и методологи. Среди них достойное место занимают и исследователи Белгосуниверситета, продолжающие работу в той парадигме, которая была обоснована в трудах В. С. Стёпина.

Вкратце характеризуя важнейшие, актуальные проблемы, свойственные для большинства современных концепций философии науки и радикально отличающие их от предшествующих философско-методологических моделей, необходимо отметить следующее.

Прежде всего, для современной философии науки типична установка на исследование ценностных, социокультурных факторов научного познания и синтез методологических, исторических, психологических и других аспектов научно-познавательной деятельности. Будучи погруженной в систему культуры, наука обретает очевидную мировоззренческую размерность и вопрос о целях и смысле научного творчества выдвигается в число наиболее важных проблем современных науковедческих исследований. И если раньше философия науки рассматривалась и зачастую оценивалась как признак некой интеллектуальной респектабельности, то сегодня она становится одним из необходимых условий адекватного ответа на вопрос о стратегических приоритетах развития современной науки.

Конечно, философам не следует забывать, что основной целью науки является продуцирование новых, объективно-истинных, знаний о мире. Поэтому анализ логических внутринаучных механизмов познания как был, так и остается важнейшей задачей философии науки.

Фундаментальной особенностью новейших философско-методологических концепций является трактовка науки как динамично развивающейся системы знаний и духовного производства. Проблематика рос-

та знаний и научных революций сегодня — одна из самых актуальных для философии науки.

В классической науке рациональность отождествлялась с вневременностью и равновесием. Понятное в ней идентифицировалось с неизменным и стабильным, поскольку основная цель состояла в описании некоего фундаментального уровня бытия природы и интерпретации его как универсальной основы для объяснения всех возможных взаимодействий в природных и социальных системах. Именно поэтому, характеризуя классическую науку, А. Эйнштейн заметил, что для нее время есть иллюзия.

В современной науке идеи историзма и эволюции активно проникают не только в биологию, астрономию, геологию, но и весьма интенсивно осваиваются физикой. Представления об исторической эволюции физических объектов постепенно входят в картину физической реальности, с одной стороны, через развитие современной космологии, а с другой, — благодаря разработке идей термодинамики неравновесных процессов и синергетики. Естественно, философия науки не может остаться безучастной к этим фундаментальным сдвигам в современной научной картине мира.

Существенно влияют на ее концептуальные ориентации и те процессы, которые получили название информационной революции. По данным ЮНЕСКО, более половины занятого населения индустриально развитых стран уже принимает непосредственное и косвенное участие в производстве и распространении информации. За последнее десятилетие XX века совокупный объем знаний современного человечества увеличился вдвое, а поток информации — более чем в 30 раз. По мнению многих экспертов, информационная революция, происходящая в мире, является не только важнейшей особенностью современного технологического переворота, но и создает необходимые предпосылки для самых радикальных изменений в сознании и человеческой духовности.

Важно подчеркнуть, что анализ взаимодействия философского сознания и научного разума, безусловно, актуален в современных условиях, когда, казалось бы, общество волнуют проблемы иного порядка, связанные с необходимостью адаптироваться к новым реалиям и условиям жизнедеятельности на исходе XX столетия. Тем не менее академическая дискуссия о путях и методах развития современной науки, о судьбах и перспективах научной рациональности весьма уместна именно сегодня, когда на нас обрушилась лавина критики науки и научного разума. Популяризация околонуточных мифов и политической конъюнктуры — явления чрезвычайно коварные и опасные, свидетельствующие о растерянности сознания и болезни духа. В этом контексте представляется весьма уместным привести известное высказывание М. Вебера о том, что в эпохи кризисов общество, как правило, разделяется на две неравные части. Большинство, не находя душевных сил и интеллектуальной энергии, впадает в отчаяние и предпочитает ужасный конец. Но всегда находятся люди, которые способны выносить ужас без конца, демонстрируя классические образцы интеллектуального мужества, верность нравственному и профессиональному долгу. Именно их усилия и конструктивная работа открывали обществу новые перспективы и создавали предпосылки для выхода из кризисных ситуаций. Самой историей научное сообщество призвано быть средоточием такой позитивной работы.

Таким образом, вывод о социальной и методологической плодотворности диалога между философией и наукой является достаточно очевидным. Едва ли возможно обосновать перспективную стратегию социокультурной динамики без сохранения и развития традиций аналитического мышления, что с необходимостью означает непреходящую актуальность теоретического взаимодействия и взаимопроникновения философии и науки.

В. Т. НОВИКОВ, Я. С. ЯСКЕВИЧ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ: СПЕЦИФИКА, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

The article is aimed at considering some aspects of the social and humanitarian knowledge, its mechanisms and development trends. It also discloses the social and philosophic backgrounds and the main points of naturalistic, cultural, historic, psychological and social programs.

Новиков Владимир Тимофеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Белгосуниверситета. Автор более 60 работ по социальной философии (методология науки, методика преподавания социально-гуманитарных наук).

Яскевич Ядвига Станиславовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки Белгосуниверситета. Автор 100 публикаций по философии и методологии науки, в том числе трех монографий.

Кризис технократической культуры и осмысление трагических реалий природного и социального бытия резко актуализируют потребность общества в разработках методологии социально-гуманитарного познания, раскрытии механизмов формирования различных парадигм исследования социальной реальности, экспликации специфики современного гуманитарного знания и тенденций его развития.

По своим целям и задачам, методам и средствам, аксиологической и этической направленности социально-гуманитарное знание, ориентированное на постижение смысла исторических событий и реалий, имеет специфические черты. Специфика знания в этой области детерминирована прежде всего особенностями самого объекта познания — человека и общества как сложной развивающейся системы. В отличие от природы общество есть деятельность преследующего свои цели человека, который создает новую предметную среду: мир культуры, искусства, науки, техники, исторические архивы и памятники, художественные тексты. Объект социально-гуманитарного познания не просто выделен практикой, он выступает как сама практическая и духовная деятельность, в результате чего социальные детерминанты присутствуют в самом объекте исследования. Так, система ценностных установок присуща самому объекту социально-гуманитарного знания и является в то же время определенным продуктом, полученным в этой сфере и транслируемым в другие области.

Человеческое общество как сверхсложная система отличается большим разнообразием различных социальных структур, предполагает альтернативность, а также исключительную динамичность и незавершенность развития. Причем если проблема выбора вариантов развития в других областях осуществляется естественным образом в процессе самоорганизации бытия и без наличия субъекта познания, то в социаль-